

М. УРНОВ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ДУБЛИН

(Заметки)

вумя событиями, столь же монументальными и демонстративными, как сокрушение некоторое время назад в Дублине Нельсоновой колонны, оказалась отмечена в этом году культурная жизнь Ирландии, однако совсем по-другому — в созидательном смысле. Прежде всего, нынешний год стал в Ирландии фактически «годом Свифта». С размахом постарались ирландцы отметить 300-летний юбилей своего прославленного соотечественника.

Свифт не был, как известно, ирландцем (если оставить в стороне темные слухи о его появлении на свет). Однако родился он в Ирландии, вырос под влиянием дяди-ирландца, в Ирландии создал он свои шедевры — и «Сказку о бочке», и бессмертные «Путешествия Гулливера», он, наконец, доживал свой век и умер в Ирландии. Свифт столь подолгу жил в Ирландии, так много писал здесь — в пользу Ирландии, связь его с этой страной, с этим народом сделалась столь кровной, что, когда у английского правительства возникла мысль «обезвредить», арестовать «доктора Свифта», последовал предостерегающий ответ: «Для этого потребуется целая армия». Ирландцы хорошо помнят об этом. Вот почему теперь они почитают Свифта как «своего гения».

Дата рождения — 1667 год, 30 ноября. Между тем юбилейный комитет, возглавляемый президентом республики Эмоном де Валера, начал действовать задолго до этого срока и первые торжества в честь Свифта состоялись еще в апреле. Затем газеты периодически приносили известия о свифтовских празднествах в Ирландии. Словом, 1967 год для ирландцев — «год Свифта». Во весь рост поднялась над страной фигура могучего Гулливера и его создателя.

Еще одно заметное событие в литературной жизни Ирландии этого года относится вовсе к иным «временам и нравам», к писателю совершенно другого склада. В июне в Дублине проходил Первый Международный симпозиум, посвященный творчеству Джеймса Джойса. История его взаимоотношений с Ирландией противоположна свифтовской. Джойс, коренной ирландец, в двадцать один год расстался с родиной. На короткий срок приехал он из Парижа в Дублин, вызванный телеграммой о предсмертном состоянии матери. После ее скорой кончины Джойс оставался дома недолго и на этот раз покинул Ирландию навсегда. О душевном кризисе его во время отъезда красноречиво говорят строки, вполне автобиографические, из его основных книг — двух романов — «Портрет художника — молодого человека» (1916) и «Улисс» (1922): «Я не буду больше служить тому, во что я не верю, как бы это ни называлось: мой дом, мое отечество или моя церковь», а также «Ирландия — это свинья, которая пожирает своих поросят...»

Выразительную характеристику личности Джойса дал Ричард Олдингтон, знавший его, выступивший в свое время с рецензией на «Улисса». Олдингтон писал: «Джойс — разувевшийся священник, восставший злобно против католицизма, но так и не

сумевший преодолеть в себе иезуитского воспитания. Существенно, что он не был официально зарегистрирован со своей женой вплоть до того момента, когда надо было вступать в брак его дочери! (Или, кажется, сыну.) Джойс — тип чисто умственный, чисто мозговой, полностью самопоглощенный и к тому же столь самовлюбленный, что он имел обыкновение говорить: «Все, чего хочу я от своих читателей, так это чтобы они смогли посвятить свои жизни изучению моих книг». Отчасти это говорилось, конечно, в шутку, но тем не менее Джойс в самом деле выступал против двух мировых войн только потому, что они нарушали его работу, его покой. У него и мысли не возникало о страданиях и героизме! Я знал его лично, но не особенно близко. Он ненавидел жизнь и любовь подобно всем христианским аскетам, кроме того, он был нелепый трус и к тому же суеверный: если гремел гром, то он прятался под кровать, опасаясь, что это глас божий! Однако он обладал невероятным литературным дарованием, и его цинический реализм был по-своему благотворным. Как и Бернард Шоу, он до такой степени терпеть не мог Англию, что хотел разрушить английский язык и тем самым превратить Шекспира и других наших поэтов в полнейшую бессмыслицу. Джойсовская критика Шекспира в «Улиссе» это столп злобной необъективности и к тому же, разумеется, очень шаткий» (Из письма к автору статьи, 1960, октябрь).

Олдингтон удачно схватил главное противоречие джойсовской природы: иезуитизм, с которым стремился вести борьбу Джойс вонне и не мог его преодолеть в собственном сознании, во взгляде на человечество. Сейчас Джойс, пожалуй, наиболее известный во всем мире ирландец. Даже те, кто никогда не читал его произведений или же, зевая, закрыл «Улисса» после первых глав, при имени «Джойс» не замедлят с заправским видом отозваться: «Как же, как же! Поток сознания... революция в романе... современный стиль... Между тем ирландцы стараются все более обстоятельно и серьезно разобраться в репутации своего оригинального соотечественника, чья ненависть-любовь была характерной для тех глубоко кризисных лет в истории Ирландии.

Симпозиум, посвященный Джойсу, тоже в известной мере явился событием национального и вместе с тем международного значения. Широко были представлены различные страны. Симпозиум был первым, как в своем роде первым оказалось столь грандиозное празднование свифтовского юбилея: для Ирландии в самом деле многое в этом плане происходит впервые, лишь начинается. В том числе и наши культурные связи с этой страной только устанавливаются.

Какие имена наиболее значительны в современной ирландской литературе, кто в числе первых мог бы представить ее советскому читателю?

Этот вопрос я задал в Дублине трем видным литераторам старшего поколения — Пидору О'Доннеллу, автору многих книг, в том числе крупных романов «Островитяне» и «Большие окна», в прошлом активному участнику национально-освободительной борьбы, деятелю рабочих профсоюзов, поэту Остину Кларку и публицисту Арланду Эшсеру. Все трое назвали четыре имени: «Брайен Мур, Макгэйерн, Эйдан Хиггинс, Флэн О'Брайен, выделив все же два первых. Мне они оказались неизвестны. Когда зашла речь о писателях старшего поколения и были названы Фрэнк О'Коннор, Шон О'Фаолейн, Лайэм О'Флаэрти, не говоря уж об О'Кейси, в память возникли живые ассоциации, однако писательских имен и книг конца 50-х и 60-х годов я не знал. Думаю, будь на моем месте кто-нибудь из моих коллег, они, во всяком случае многие из них, испытали бы то же чувство — не столько неловкости, сколько сожаления от неосведомленности в новейших явлениях литературы Ирландской Республики. Тому есть объективные причины — между нашими странами нет дипломатических отношений и очень слабы и случайны культурные связи. Группа Союза обществ дружбы, с которой я находился в Дублине летом 1966 года, была всего лишь третьей советской делегацией в Эйре.

Само понятие «ирландская литература» в связи с драматической историей Ирландии и ее сложной судьбой еще не обрело той четкости и определенности, с какой обычно как нечто само собой разумеющееся воспринимаются, например, понятия: английская, французская или итальянская литература.

Ирландцы всячески «отталкиваются», отделяются от англичан, подчеркивая, что они — другие, что они сами по себе. Это проявляется хотя бы в той настойчивости, с какой отмечают и хранят ирландцы теперь все свое, исконное. Мы побывали не только в Ирландии, но и в Англии, а также в Шотландии. Однако Ирландия, Дублин потому, должно быть, и оставили особенно цельное впечатление, что отличаются мобилизованностью национального самосознания.

Надо представить себе, что Ирландия была первой колонией в Европе. Она находилась под английским владычеством с XII столетия, почти восемьсот лет не прекращалась ее борьба за независимость, и только после жестоких и кровопролитных схваток, которые она выдержала в XX веке, страна обрела самостоятельность.

В течение XIX века широкое распространение в Ирландии получил английский язык, он стал основным почти повсюду в стране. Возникло понятие — англо-ирландская литература. Выдающимися ее представителями конца XIX и XX веков сами ирландцы считают Оскара Уайльда, Бернарда Шоу, Уильяма Батлера Йитса, Джона М. Синга, Джеймса Джойса и Шона О'Кейси.

«Без понимания того, что Шоу, Йитс, Джойс — ирландцы, — пишет Эшер, — никто из них, даже Шоу, не может быть по-настоящему понят. То же самое можно сказать о других выдающихся писателях-ирландцах.

Есть английская поговорка, которая гласит: все самые знаменитые, по крайней мере самые остроумные, английские писатели — ирландцы. Как ни парадоксально это может звучать, достаточно назвать Шоу и Уайльда, чтобы согласиться во всяком случае со второй частью этого высказывания. И вместе с тем стоит вспомнить, что для обоих этих писателей парадокс был излюбленной формой выражения остроумия.

Дублин славен литературными именами. Это становится осязаемо очевидным, когда передвигаешься по столице Ирландской Республики.

...Школа, где учился Бернард Шоу. Сохранилось лишь здание, школы в нем давно нет, ее заменили конторы, нет на стене и мемориального знака. Впрочем, по словам биографа, школа эта не оставила у драматурга «отрадных воспоминаний».

А вот в древнем, от XII века, соборе св. Патрика «уголок» Джонатана Свифта: первые издания его книг, посмертная маска, выглядывающая из книжного шкафа, высокая, очень высокая кафедра, с которой он говорил свои проповеди. Вделанная в пол каменная плита, дата его смерти и дата смерти любимой им женщины Стеллы. На стене — эпитафия, написанная самим Свифтом, которую Йитс считал самой замечательной из эпитафий. Завершается она словами: «Иди, путник, и, если можешь, подражай ревностному поборнику мужественной свободы». «Уголок Джонатана Свифта» в соборе св. Патрика — это напоминание о целом этапе в истории Дублина и всей Ирландии.

На окраине Дублина, на самом берегу Ирландского моря в древней башне, некогда сторожевой башне-крепости, разместился маленький музей Джойса. На отпечатанном на машинке и вывешенном под стеклом листе, воспроизводящем еще совсем короткую историю музея, сказано, что в конце XVIII столетия из этой башни ирландцы отражали натиск англичан. Много лет спустя в ней поселился и жил некоторое время молодой Джойс. На добровольные жертвования здесь несколько лет назад возник музей. В небольшой комнате «второго этажа» несколько предметов, принадлежавших писателю, его последняя трость, фотографии, посмертная маска. Внизу, на «первом этаже», в двух закутках, — картины на темы джойсовского «Улисса» — персональная выставка художника-модерниста. Свету было мало, за стенами башни лил дождь, на каменном полу стояли лужи, по лестнице со ступеньки на ступеньку торопливыми струями стекала вода.

Со «второго этажа» вверх вела узкая крутая лестница. Та самая лестница, где начинается действие «Улисса». Та самая башня, откуда герои романа отправились в путь. Та самая лестница, та башня, можно также сказать, откуда широко распространялась особая манера письма, целая «школа», и до сих пор ее пытаются считать «современной».

Взгляд на старую крутую лестницу словно бы помогает понять, почему многие из литераторов сломали себе шею, азартно устремившись за Джойсом. Кажется, это и имел в виду Ричард Олдингтон, когда в рецензии на «Улисса» писал, что человек с индивидуальностью Джойса еще сможет пройти по избранной им дороге, но — горе недальновидным подражателям.

Несмотря на проливной дождь, в музей приехала сестра Джеймса Джойса — Мей Джойс Монаган (скончалась в декабре прошлого года). Она только что вернулась из Цюриха, где умер и похоронен Джеймс Джойс. В цюрихском аэропорту ее осаждала американская корреспондентка. «Возмутительный интерес к самым интимным подробностям. Она задавала ужасные вопросы. Я не могла на них отвечать». К Джойсу бесцеремонно лезут в душу, с развязностью обращаются с ним — по-свойски, именно потому, что считают его будто бы всюду своим. Универсализм Джойса понимается поверхностно. Правы ирландские историки литературы, подчеркивающие «почти роковую привязанность Джойса к родному городу и последнему десятилетию XIX века», поре его молодости и рубежу, когда он в 1904 году покинул Ирландию.

Странно было держать в руках старенькую джойсовскую гитару. Струны обвисли, особенно басовая, и дребезжали. «У Джойса, — рассказывала его сестра, — был хороший тенор. Вначале он думал поступить в оперу».

Джеймс Джойс для дублинцев, во всяком случае для тех, с кем мне довелось беседовать, — великий ирландец. По мнению Арланда Эшера, повторившего слова Валери Ларбо, «С Джойсом Ирландия вновь, а точнее сказать аперыве, вошла в мировую литературу». Дублинцы ценят и высоко ставят Джойса отнюдь не за формалистическое экспериментаторство, а в значительной мере за то, что в его произведениях, получивших мировую известность, как ни в каком другом представлении и живет Дублин — и пересекающая столицу река Лиффи, и известная улица Экклз, и памятные дублинские места и здания. «Дублин Джойса» звучит естественно в устах ирландцев, и не только ирландцев. Пример Джойса вдохновлял выдающегося шотландского поэта-коммуниста Хью Макдиармида, который мечтал сделать героем родной Эдинбург.

Джеймс Джойс и Шон О'Кейси — казалось бы, что общего? Многим так и кажется, несмотря на собственное признание О'Кейси об известном влиянии на него творчества Джойса. Действительно, требуется понимание ирландской «подосновы», чтобы

найти ту точку, в которой они соприкасаются. Официальный справочник «Факты об Ирландии», изданный в Дублине департаментом иностранных дел Эйре, располагая в хронологическом порядке имена великих писателей-ирландцев, рядом с портретом Джойса помещает портрет Шона О'Кейси. Им завершается портретная галерея классиков англо-ирландской литературы, однако далеко не исчерпывается список талантливых литераторов Ирландии.

С молодым Шоном О'Кейси сопоставляют Брендана Биэна (умер в 1964 году). Он выделяется среди писателей «младшего поколения», заявившего о себе в конце 40-х и в 50-е годы. О Брендане Биэне говорят, что его натура не вмещалась в рамки природы, и можно добавить, что она не вмещалась и в политические рамки Британии. Биэн восемь лет провел в английских тюрьмах, до того как его имя получило известность. Она пришла к нему после постановки в 1956 году рабочей театральной труппой его пьесы «Крутой парень». Автор встречался с осужденными на смерть, беседовал с ними перед казнью. В пьесе он представил сцены тюремной жизни — в день перед казнью и в утренний час свершения приговора. Тюрьма ирландская, а палач английский, любитель старых ирландских песен.

Намеки, символы, парадоксальные ситуации и выражения придают действию необычную остроту, особенно для осведомленной ирландской и английской аудитории. По-особому она может оценить критическую смелость, с какой автор затрагивает национальную и религиозную проблемы, и горький, мрачный юмор.

Разумеется, не одни только иносказания, как бы они ни были злободневны, привлекли в свое время внимание к этой пьесе Биэна. Их внутренний смысл оказался значительным благодаря убедительности характеров действующих лиц и «бытовых сцен». Трагическое в пьесе граничит с фарсом, но трагедия от этого не превращается в фарс. Несмотря на суровую и мрачную суть происходящего в пьесе, в ней чувствуется и непокорный дух, и оптимизм, и широта взгляда, но прежде всего глубокая горечь.

Брендан Биэн был неумейный человек. Когда его пригласили выступить по телевидению, передачу пришлось прекратить: она превратилась в скандал... После того как Джойсовский «Портрет художника — молодого человека» был признан классическим, формула этого заголовка стала для биографий и автобиографий на английском языке традиционной. Уэльский поэт Дилан Томас написал о себе повесть «Портрет художника — молодого пса», появилась книга «Портрет художника-ненавистника» и т. п. Увы, жизнеописание Брендана Биэна есть все основания назвать «Портрет писателя-пропойцы». Биэн-младший озаглавил свои воспоминания спокойнее — «Мой брат Биэн», однако в сущности получается то же самое: с обложки глядит на нас искаженное пьяной гримасой лицо, небритое, глаз подбит. Книга щедро и последовательно иллюстрирована в том же духе: «Брендан за стойкой, Брендан под столиком, вот он, бесчувственный, спит на спектакле, а вот — могильная плита». Погиб Брендан Биэн бессмысленно и бесславно сорока одного года от роду.

Шон О'Кейси оплакал эту смерть, он видел в энергично начавшем писать Биэне «надежду ирландской драматургии».

Если наши сведения о современных явлениях ирландской литературы и театра отрывочны и случайны, то осведомленность ирландцев о культуре и жизни в Советском Союзе вовсе ничтожна и нередко превратна. В городке неподалеку от Дублина наша группа обратилась к мужчине средних лет за какой-то справкой. Он не поверил, что мы из Советской России: «Не может быть, такие радушные и веселые». Показали паспорт. Он удивился и обрадовался.

Интерес к нашей стране и нашей культуре в Ирландии большой и возрастающий. И чувствуется потребность узнать правду и готовность «пересмотреть взгляды», но в то же время и настороженность. Опять-таки показательный факт. Пидор О'Доннел прислал мне пачку книг — своих и своего друга вместе с письмом последнего:

«Дорогой Пидор, посылаю эти книги для Вашего друга... Надеюсь, он не сочтет мои идеи (некоторые из которых теперь я нахожу незрелыми) воем империалистической гигиены. Однако не передавайте ему книги, если допускаете, что его отклик может быть таковым»...

О'Доннел успел, видимо, почувствовать доверие к своим новым знакомым и передал книги с дружеским приветом.

